

Дарья Пантелеева

Мир №

(2020)

Опера в одном действии с прологом и эпилогом

Пролог

Пустая сцена. На сцене № 98 появляется в световом луче.

№98: Когда живёшь всю жизнь в прекрасном городе,
который любишь,
который никогда не хочешь покидать,
(зажат как нитка в вОрте),
когда лицо его становится тебе роднее
физиономии младшего брата.
И будет холодно в нём или теплее,
всё происходящее становится твоей собственной историей, болью,
смешанной с его донорской кровью
с размышлениями, переживаниями, вопросами,
задаваемыми кем-то другим.
А есть и такие, кто гробит его доносами.
Ты веришь и надеешься,
что он переживёт неискренних,
жаждущих власти, денег и беспринципности,
что даст тебе всё,
о чём только ты мечтал во снах таинственных.
Он даст тебе веру в себя и возможно лирику

в свиданиях на мостах.

Иногда ты бежишь от него, подобно клирику

образуя приход в себе,

позволяешь спрятаться

некоторым странным многообразиям,

поглощающим мозг ежедневно.

Гнусным и глупым фантазиям

даёшь волю, которой на самом деле нет.

Ты пускаешься в путешествие по городам и весям

в поисках своей нужности.

А нужность, так оказалось, горит как в тоннеле свет.

И вот, не найдя себя ни в любимом городе, ни в чужих краях,

бежишь, как и многие в центр мира,

не создавши себе кумира,

бежишь, как те многие покорять небосвод в лучах.

В эту точку приходят разные,

ждушие и надеющиеся.

В ней собраны сильные мира сего,

тренды заразные.

Окунаешься в водоворот пафоса, картинности и тревожности,

бросив город свой, живущий внутри сплетения,

в середине души,

(она рысью бежит от тления).

Предаёшь все мосты, перекинутые через невскую вену,

столп и шпили, и даже дворец Растрелли

для того, чтобы стать микрокосмом в огромной большой клоаке,

и не важно, в каком будешь жить бараке.

Как однажды сказали сёстры, тебе не родные,

Видно были на голову, как и ты, больные:

«В Москву! В Москву!»

№98 садится в машину(или во что-то условное).

Действие первое и единственное

Время близится к полуночи. На подъезде ко МКАДу стоит вереница из фур. Они выстроились в два ряда так, что ни одна легковушка не может повернуть на повороте. Дальнобойщики смотрят на еле продвигающиеся машины сверху вниз, ухмыляются. Сигналки время от времени срабатывают, издавая как бы матерные слова, создавая свою симфонию звуков и ритмов. Веренице этой не видно конца. Она похожа на одного огромного монстра, который своим визитом разгоняет всех на пути. Сотни глаз, таращащихся из окон, сотни выражений лиц, сотни поз, устало переваливающихся с одной ягодицы на другую, десятки национальностей. Каждый сидящий в кабине своей фуры на мгновение становится властителем ситуации, ощущая свою значимость. Пожилые и не очень, молодые, худые, толстые, веселые, угрюмые, быдловатые и интеллигентные перемешались в одной бесконечной пробке.

Проезжая мимо друг друга или становясь на одном уровне, дальнобойщики кивают, приветствуя друг друга, как будто чувствуя принадлежность к одной касте. На носу морды каждой машины висит свой номер. Вереница напоминает заключённых на прогулке, выстроившихся в два ряда. Каждый гордо несёт честь своего номера, своего региона, своей республики, области, края. Оказавшись на одном уровне со знакомыми лицами, они не упускают возможности перекинуться несколькими словами.

Замечая обычные легковушки, дальнобойщики становятся еще ближе друг к другу, не давая маленьким машинам втиснуться между ними. №98 пристраивается к этой веренице, медленно продвигаясь рядом.

ХОР ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ (на фоне перемешивающихся звуков и ритмов сигналок):

Все в Москву!

Всё в Москву!

Снова всё течёт в Москву!

С Дальнереченска, Камчатки,

Магадана и Норильска,

от Иркутска, Омска, Крыма,

с областей и регионов

все стремятся, всё стремиться

оказать большую пользу

дорогой первопрестольной.

Всем в Москву!

Всех в Москву!

Напротив друг друга останавливаются №142 и №38. Ритм сигналок меняется, раздаётся где-то вдалеке.

№142: Откуда и что везешь?

№38: Загруз был на лес из Слюдянки,

но только теперь не китайцам.

В Москве разгружаюсь я, Бро.

Просрали мы даже Байкал,

весь лес продаем за бесценок,

и похер им всем на природу,

на жизнь, на чужую свободу.

Столица! Вот их идеал!

Не люди, консервные банки!

№ 142: А мне подгрузили людей,

 таланты, сказали, большие,

отправили в шоу на телек,
доставить просили всех в срок.
Я уголь вожу каждый месяц.
Зачем им таланты чужие?
Оставили нам бы немного,
заместо паршивых блядей.

Раздается шум сигналок, машины продвигаются.

ХОР ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ (на фоне перемешивающихся звуков и ритмов заводских станков):

Все в Москву!
Всё в Москву!
Снова всё течёт в Москву!
От Ростова, Сахалина,
От Уфы, Новосибирска,
Томска, Курска, Оренбурга,
с областей и регионов
все стремятся, всё стремиться
оказать большую пользу
дорогой первопрестольной.
Всем в Москву!
Всех в Москву!

Напротив друг друга останавливаются №18 и №88.

№18: Был у нас пацан в Ижевске,

танцевал как бог.

Из ДК забрали парня

в коллектив «Росток».

А потом поехал парень

покорять Москву,

Там в прославленном ансамбле

затянул узду.

Я его довез до МКАДа

много лет назад.

Мать его была так рада,

а отец не рад.

Говорил, что парню нужно

делом заниматься,

и не с этим вон там хреном

в танцах развлекаться.

Земляком горжусь я, Славик,

но в моей столице

все таланты разбежались,

потерялись лица.

№ 88: Утекают с родины

в эту часть России

бледные уродины,

пареньки босые,

рослые красавицы

и умы погуще.

Что им всем там нравится?

№18: Быть хотят все лучше.

№88: Красноярский край люблю я

И не догоняю,

Почему богатство наше

утекло из края.

Раздается шум сигналок, машины медленно продвигаются.

ХОР ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ (на фоне перемешивающихся звуков и ритмов заводских гудков):

Все в Москву!

Всё в Москву!

Снова всё течёт в Москву!

От Самары, Волгограда,

Пскова, Мурманска, Находки,

От Читы, Владикавказа,

с областей и регионов

все стремятся, всё стремиться

оказать большую пользу

дорогой первопрестольной.

Всем в Москву!

Всех в Москву!

Напротив друг друга останавливаются № 102 и № 61. Перед ними пытается втиснуться №98.

№102: Три рейса на камазе новом,

шторки повесили и цари все.

№61: Пацана уже ждут на кольце Садовом,

вот и жмётся быстрее по полосе.

№102: Салавата Юлаева на них нету,

он, инен бетеге, разогнал бы их.

№61: Слушай, брат, может кинем пока монету,

кто быстрее пойдет разгружать своих?

№ 102: У тебя там что?

№61: Ростсельмаш-поставки.

№102: Чтобы что потом? По деревням сдать?

№61: Мне плевать, братан,

были б только бабки.

№102: Да и мне-то тоже

в принципе насрать.

Я когда-то ждал новой четкой жизни,

и возить всё стал, чтоб бабла поднять.

А теперь вот жду, что моей отчизне

затолкают в зад евро - рукоять.

№61: Думаешь тут: «смысл, впахивать как лошадь,

если в государстве город лишь один?»

Всё в него везут, всем найдут жилплощадь,

для него создали миллион вакцин.

№102: Как живут в Ростове?

№61: Как в других столицах

наших регионов, уголках земли.

№102: Тоже как в притоне?

Как орлы в темницах?

Всё своё забрали, весь бюджет смели.

ХОР ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ (на фоне перемешивающихся звуков и ритмов чего-то разбивающегося):

Все в Москву!

Всё в Москву!

Снова всё течёт в Москву!

От Хакасии и Коми,

Татарстана и Алтая,

От Хабаровского края и республики Тыва,

с областей и регионов

все стремятся, всё стремиться

оказать большую пользу

дорогой первопрестольной.

Всем в Москву!

Всех в Москву!

Напротив друг друга останавливаются № 25 и № 29

№25: Смысла нет бухтеть здесь,

только вдыхать.

Мы на Дальнем Востоке пытались спасти

своё производство и порядок весь,

твою мать,

а теперь вот обязаны им всё везти.

Океан кормил нас,

и жили раньше

мы во Владике сами да по себе.

Рыбы в самый раз

доставалось каждому,

но ведь, блядь, отдали всё большой Москве.

Я на Русском вырос,

отец военный,

Дальрыбвтуз закончил и в моря ходил.

А теперь в камазе замыкаюсь,

как пленный,

ошиваясь в пробке среди водил.

№29: Мы тут в отстойнике стояли

с таким как ты, с Владивостока.

Он, говорил, что последний рейс,

что там его все задолбали,

что валит он теперь с Востока,

и ближе ему московский фейс.

Я тоже вырос на море,

Белом правда,

мать моя из Архангельска родом.

С ЦБК уволилась после моего рождения вскоре,

ушла от отца, связалась с каким-то уродом.

Отца я любил больше неё,

поэтому отдала обратно,
сама же поехала покорять столицу.
А я, брат, остался на родине,
учился платно,
мечтал разработать новую математическую таблицу.
Но ничего не вышло, а кушать хотелось,
пошел в дальнбой,
заработать решил на квартиру.
Тут всё завертелось -
один рейс, другой...
Забыл о мечте и стал колесить по миру.
Сейчас вот везу упаковочного картона
целый кузов
для нужд и потребностей центра России.
И кажется мне, что в коробках среди моветона
сидят люди с периферии.

ХОР ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ (на фоне перемешивающихся звуков и ритмов настенных часов):

Все в Москву!

Всё в Москву!

Снова всё течёт в Москву!

От Чечни и Дагестана,

От Тувы и Адыгеи,

От Удмуртии, Урала

И республики Саха

с областей и регионов,
все стремятся, всё стремиться
оказать большую пользу
дорогой первопрестольной.
Всем в Москву!
Всех в Москву!

№ 98 оказывается на уровне с № 78

№78: О, брат, здорОво!

Ты чё здесь плетёшься?

№ 98: Да с ИКЕИ ехал,

№78: А чего так поздно?

№98: Здесь мне всё ново,

пока соберешься,

весь день потерян,

мерзко, нервозно.

№ 78: Как говорил поэт наш:

«За рубашкой в комод полезешь и день потерян».

№98: Вот так у меня в Москве бесконечно.

№ 78: А у меня в коммуналке сосед алкаш,

всегда был бутылке верен,

и жил себе так.Беспечно

дни его пролетали, вот только ночью

вспоминал он про то, что уже не сделал.

Но я это... так, про него... Что-то ляпнул неточно...

Ты забей, я пример здесь не тот приделал.

№ 98: Переехал я. Да. Переехал и сам не знаю,

Почему? Для чего? И какая за это награда?

Каждый день о свободе своей я мечтаю.

№78: Возвращался бы в Питер, там всё как надо.

№98: По стране помотался, искал, где лучше будет,

и уехал зелёным, поверив в свои желания.

№78: Оказалось не так? Ну, за это у нас не судят.

№98: Кому нахер сдались мои страдания.

№78: Слушай, я везу кеги с Балтикой,

так и хочется открыть, немного бахнуть.

№ 98: Ты давай-ка завязывай с этой практикой,

не успеешь потом, как Ефремов, ахнуть.

№ 78: Нет, ты чё, я ответственный, я всё знаю.

А бухнуть можно только завтра вечером.

Да и в принципе не сильно-то я бухаю,

под большим контролем мы у диспетчеров.

Раньше делал сам на заводе

оптико-механические приборы.

Только, видишь, у нас как в народе,

своё мнение высказал, тебя за затворы.

Без работы сидеть не хочу, братуха,

лучше пиво возить для московских баров.

Пока жив здоров мой гидрач, житуха

может быть приличной без других товаров.

№98: Как там Питер?

№78: Стоит.

№98: Как всегда печальный?

№78: Прямо как ты в этой пробке
среди дальнбоя.

№ 98: Я как старый свитер.

№78: Многострадальный?

№98: Как измученный бабник после запоя.

№78: Ты давай, чувак,
перестань-ка плакать.

№98: Да не плачу я.

№78: Вижу, скучаешь очень.

Возвращайся в Питер.

№98: Зачем? Чтобы трахать
всем мозги своим поиском?

№78: Между прочим

каждый рад бы жить

не в своей канаве,

обрести всё сразу

и быть спокойным,

от души любить,

покориться славе,

победить заразу,

не стать покойным.

Здесь в Москве всё также.

№98: Но счастье другое.

№78: Счастье будет там, где ты сам захочешь.

Я теперь вот счастлив на дальное,
ну а ты печаль сам себе пророчишь.

Да, здесь центр мира для других провинций,
всё везут сюда и людей, и деньги.

Посреди невежества и амбиций
только и гляди, чтоб на четвереньки
не поставил кто-то твою гордость вскоре.

Нужно жить в таком мире, где всё честно,
и стремиться быть человеком что ли,
следовать мечте, рассуждать уместно.

Надо жить, братуха, в местности любимой
и не ждать в столице покупного счастья.

В государстве нашем алчность неизлечима,
Но не всё зависит от продажной власти.

№98: Кто-то едет в город, кто в столицу, а кто-то в Европу,
не сидится людям в их родных угодьях,
все хотя пристроить поудобней жопу.

№78: Но не все готовы фыркать на поводах.

Ты-то чё приехал?

№98: В поисках успеха,
чтобы стать заметным
для людей столицы.

Те, кто понаехал,
из родного цеха
говорят :«Поможем
в этот город влиться!»

№78: Ну, тогда удачи!

Вдруг найдёшь здесь место.

№98: Очень бы хотелось

просто загнестись.

№78: Ну, в Москве обычно

не бывает тесно.

Хочешь? Значит скоро

это всё случится.

ХОР ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ (на фоне перемешивающихся звуков и ритмов скрежета автомобильных тормозов вразнабой доносятся голоса):

Все в Москву!Всё в Москву!Всех в Москву!Всем в Москву!Все в Москву!Всё в
Москву!Всех в Москву!Всем в Москву!Все в Москву!Всё в Москву!Всех в Москву!Всем в
Москву!

Эпилог

Пустая сцена. На сцене № 98 появляется в световом луче.

№98: Когда живешь в огромном городе,

который правит,

И ты его приехал удивлять,

(висишь на тонком проводе),

когда лицо его, как кажется, тебе знакомо

из новостей, мелодий, чата.

И вроде нет в тебе истерики или надлома,
всё происходящее становится твоей собственной историей, болью,
смешанной с твоим потом и кровью,
с размышлениями, переживаниями, вопросами,
Задаваемыми кем-то своим.

А есть в нём другие, кто долбит тебя расспросами.

Ты веришь и надеешься,
что здесь переживешь неискренних,
жаждущих власти, денег и беспринципности.
Здесь можешь взять всё,
о чём только ты мечтал во снах таинственных.

Но кто будет верить в тебя и в твои желания,
в идеи, мысли, воспоминания?

Иногда ты бежишь, находясь в изгнании.

Образуя приют в себе,
позволяешь спрятаться
некоторым странным многообразиям,
поглощающим мозг ежедневно.

Гнусным и глупым фантазиям
даёшь волю, которой на самом деле нет.

Ты пускаешься в путешествие по районам столицы
в поисках своей нужности.

А нужность, так оказалось, горит как в тоннеле свет,
растворяясь в лицах.

Но вот, обретя себя в очень странном городе и в чужих краях,
бежишь, как и многие в мир попроще,

В деревню поближе к прудам и роще,
бежишь, как те многие спасать небосвод в лучах.
В этой точке застряли разные,
ждушие и надеющиеся.
В ней собраны страстные мира сего,
миллениалы разнообразные,
окунувшиеся в водоворот пафоса, картинности и тревожности.
Бросив город свой, живущий внутри сплетения,
в середине души,
поддаваясь опять сомнениям,
снова ищешь себя в неземной глуши.
Покорившись эмоциям и гонениям,
путешествуешь по бывшей земле Советов.

Как однажды сказал человек молодой,
в общем тоже тебе не совсем родной:
«Прочь из Москвы! Карету мне, карету!»

ЗТМ. В темноте раздаются, постепенно удаляющиеся, разные индустриальные звуки.